

Теннесси Уильямс

И ВОТ ШАГИ ЗВУЧАТ ВСЕ БЛИЖЕ

Она поймала на себе завистливые взгляды его сестер, рассматривавших ее городскую одежду — темно-синюю весеннюю соломенную шляпку, украшенную парой красных вишен, креповое платье с ярким узором и новые черные замшевые туфли-лодочки, шелковые мыски которых она сумела почти не замарать грязью, потому что шла от станции крайне аккуратно, преодолевая то широкими, то крошечными шагами преграды луж и рытвин, где бежали ручьи.

— Не понимаю, почему Бад не встретил тебя у платформы? — продолжала сокрушаться миссис Гамильтон. — Ведь он нарочно выехал заранее.

Пересохшие губы Катарина дрожали. Всю дорогу от станции, которая была неблизкой, у нее в груди с каждым шагом скручивалась неумолимая, жесткая стальная пружина, которая была способна растерзать ее на части, если выстрелит. Но пружина не выстрелила. Бад не ждал Катарину ни за одной из дверей этого дома. Здесь были только его мать и сестры. Поэтому пружина сжалась сильнее и должна была продолжать взводиться до тех пор, пока это не окончится бог знает чем.

— Там было полно людей, — храбро воскликнула Катарина, обращаясь с миссис Гамильтон. — И еще лил такой дождь, что он, наверное, меня не заметил.

— Полно людей? — резонно изумилась миссис Гамильтон. Верить неправдоподобным отговоркам было не в ее духе, в Минеоле редко когда с поезда сходили больше трех-четырех человек.

— Ну, не то чтобы *полно*, — поправилась Катарина, задыхаясь, — но вы сами знаете, под дождем легко и перепутать. Все на одно лицо.

— Как думаешь, мама, может, Бад принял за Катарину черную кухарку Моултонов? — саркастично вмешалась в разговор Сесилия. — Она сегодня как раз должна приехать с похорон кузена...

— Сесилия! — сердито ахнула миссис Гамильтон. Затем, извиняясь за дочь, вновь обратилась к Катарине: — Вечно она подтрунивает над Бадом!

Катарина, как это обычно случалось в гостях у Гамильтонов, почувствовала, что в доме назревает неприятная сцена, которую лучше постараться не допустить.

— Только, пожалуйста, не ругайте его, когда он вернется, — взмолилась она. — Он не виноват, и потом, я с удовольствием прогулялась. В вагоне было нечем дышать, а здесь воздух такой свежий и чистый, да и дождь...

Снаружи заурчал автомобиль, и сжатая у Катарины в груди стальная пружина вздрогнула. Но это оказался не Бад. Машина, жалобно фыркая, утащилась прочь, и мерный, тяжелый гул дождя вновь отдался эхом во всем доме, разносясь по темным комнатам с высокими потолками подобно смеху привидений.

— ...и дождь, — закончила она, глядя, как по стеклу бегут струи, — почти кончился.

— Он льет уже пять дней, — внушительно заметила миссис Гамильтон.

За окном сквозила нежная зеленая тень. Дом был обсажен деревьями со всех сторон. Он прятался среди них. И Катарине почудилось, что где-то там, среди мокрой листвы, точно так же прячется мальчик, который время от времени робко заглядывает в комнату сквозь исполосованные струями стекла, и подобно сестрам, удивляется ее новому городскому наряду — темно-синей шляпке с вишенками и изящным, хоть и слегка забрызганным грязью туфелькам, но еще не осмеливается зайти в дом и сказать ей, как он рад, что она вернулась.

— Пять дней! — отозвалась она. — Подумать только!

Ее голос прозвучал неестественно громко, словно у больного в горячке, и она услышала, как красные вишни на полях ее шляпки бойко подскакивают. Стараясь говорить спокойнее, она поспешила добавить: «Вот и я подумала, что дождь, наверное, льет не первый день. Ветки так отсырели, что совсем поникли — пока я шла по Эльм Стрит, я всю дорогу выставляла руки, чтобы листья не касались шляпки».

— Бедняжка, — посочувствовала миссис Гамильтон. — Говорила я Бад...

Она грузно повернулась, и, заметив лежащий на диване жакет Катарины, подхватила его за воротник.

— Эвелина! Додумалась, тоже мне, бросить жакет Катарины прямо здесь! Он же весь мокрый!

Аккуратно неся жакет перед собой, она тяжелой, размеренной поступью удалилась вглубь дома, и Эвелина застенчиво ретировалась следом. Катарина осталась в гостиной наедине с Сесилией. Это могло осложнить положение, когда Бад вернется. Циничная отчужденность, с которой Сесилия имела привычку держаться, отнюдь не помогала в критических ситуациях. И вообще с трудом верилось, что эта бесстрастная, хозяйственная девушка, склонившаяся с коробком спичек над каминной решеткой, в самом деле сестра Бада.

— Уголь кончился в середине марта, с тех пор мы не топили. Сейчас потеплеет.

«Да уж, чего здесь точно не достает, так это теплоты», — подумала про себя Катарина. Этот дом ни за что не согласился бы согреть сердце гостя даже на миг. Он был

безоговорочно уродлив. Желтый, несуразно высокий и узкий, он смотрелся снаружи таким дряхлым, что скрипучим балкам было излишне что-то к этому добавлять, а что касалось его интерьера с высокими потолками, длинными лестницами, подвесными светильниками и угловатой мебелью, то он был безжалостно вытянут по вертикали, как будто никогда не знал покоя и был обречен вечно взбираться к неведомой темной вершине. Но особенно броско дом являл свое уродство и мрачный ибсеновский дух с приходом апреля. Казалось, он неприязненно кривил желтую образину при виде юной зеленой грации возвращающейся весны. Стены и окна глухим треском и пронзительным скрипом возмущались забавам игривого ветерка, а эхо дождя отдавалось в мрачных комнатах в таком угнетающем минорном ключе, что Катарине чудился коварный смех и шепот привидений.

Искусственные поленья в камине вспыхнули голубым пламенем.

— Не хочешь подняться наверх, Китти? — предложила Сесилия.

В детстве они с Сесилией, старшей сестрой Бада, были подругами. Она, Катарина и Бад часто играли среди фруктовых деревьев за домом Гамильтонов. Все трое с первого до последнего класса отучились в одной школе, и Бад, после того как выпустился, ждал целый год, пока Катарина и Сесилия тоже окончат школу, чтобы они все вместе могли поступить в университет штата. Катарина и Сесилия благополучно влились в женское университетское объединение, но у Бада не сложилось со студенческим братством. Как, впрочем, и с самим университетом. Учеба не только не помогла ему, как надеялись девушки, выбраться из панциря замкнутости, но еще глубже укоренила в нем застенчивость. В аудиториях Бад сидел на последних партах с видом глухонемого, на вопросы преподавателей бормотал «не знаю», а на контрольных лишь угрюмо глядел в окно, крепко стиснув карандаш в неподвижных пальцах. Его длинная, неприкаянная фигура проносилась по кампусу так быстро и неприметно, что иные студенты в шутку прозвали его «резвым привидением». К концу учебного года Бад и вовсе забросил занятия и на следующий год уже не вернулся. С тех пор Катарина виделась с ним только на каникулах, и раз за разом он становился все более робким, тихим и нелюдимым. Ей казалось, что вокруг Бада сомкнулись холодные воды озера одиночества, уносившие его все дальше и дальше от верного берега их дружбы, с которого она махала и звала по имени. Эти воды со временем становились все глубже, но Катарине всякий раз каким-то образом удавалось отыскать в них брод, найти Бада и пробиться через стену его притворной забывчивости. «О, это ты!» — казалось, говорил он тогда. В уголках его чуть прищуренных век намечались морщинки улыбки, и тогда холодные воды отступали, и он благодарно и покорно следовал за ней на берег их давней дружбы. И каким это всегда

было упоением — вот так вернуть прошлое, тот самый мир, где их руки и даже губы соединялись с прежней легкостью! Но Катарина не видела Бада почти год, с тех пор как уехала в город и сосредоточилась на работе, и теперь не знала, сумеет ли подступиться к нему вновь. Или холодные воды сомкнулись окончательно, на этот раз над его головой.

Чувствуя, что горло сжимается — от тоски, сожаления или страха — она ответила Сесилии:

— Нет, давай еще побудем внизу. Не хочу пропустить Бада. Он должен вернуться с минуты на минуту.

Сесилия обняла Катарину и проводила ее в гостиную. Она включила настольную лампу и алебастровый купол абажура, окаймленный серебряной бахромой, разбавил полумрак молочно-белым светом. Затем Сесилия устроилась на мягкой тахте напротив Катарины, которая заняла стул с прямой спинкой. Неожиданно Катарина поняла, что не знает, о чем разговаривать. Девушки странным образом отдалились друг от друга. Катарина перебралась в город в июле прошлого года, после того как они обе окончили университет, и с тех пор ни разу не приезжала. Она продавала рекламные площади в газете, делала карьеру, а Сесилия осталась в их родном городке и ждала, пока ее жених Роберт упрочит свое положение в бизнесе зерновой торговли, чтобы они могли пожениться. После смерти отца, который ушел больше года назад, Катарину уже ничто не связывало с этим городком, поэтому она виделась с Сесилией редко и за те десять месяцев, что они не встречались, их дружба притупилась. Может быть, наверху, в спальне, где они часто оставались в детстве, им было бы проще избавиться от стесненности, но здесь, в гостиной, они лишь посматривали друг на друга то слишком пристально, то наоборот спешили отвести взгляд, и принимали подчеркнуто непринужденные позы, чтобы скрыть смущение. Катарина хотела поскорее развеять это неловкое чувство непринужденной дружеской беседой. Она довольно долго рассказывала Сесилии о своей работе, но движения головы, которыми она сопровождала речь, получались такими нервно-оживленными, что красные вишенки на полях шляпки то и дело клацали друг об друга, что почему-то напоминало ей о неприятном случае в колледже, когда она нечаянно зацепила рукавом кофты руку человеческого скелета в кабинете зоологии: его кости застучали точь-в-точь как эти вишенки, а когда Катарина подняла глаза, то увидела, что череп таращится прямо перед собой, оскалив мрачно-терпеливую улыбку, как будто говоря: «Не извиняйтесь! Уверен, вы не нарочно! И потом, голубушка, нам ли костям не знать, что гордыня это суета ...»

Катарина быстро повернулась к Сесилии и поинтересовалась: «А как Роберт?»

— Да так... — равнодушно отозвалась Сесилия. — Торговля зерном идет ужасно. Нам, наверное, придется ждать еще год. Ожидание вошло в нашем доме в привычку. Только и делаешь, что без конца ждешь, когда что-то стронется с места.

Она отвела взгляд и не без горечи рассмеялась. Катарина погладила ее темные волосы. Они были единственной чертой Сесилии, которая напоминала о Баде.

— После колледжа время летит быстрее!

— Но не для меня, — возразила Сесилия. — Все как было, так и осталось, вот только ты уехала. Да и Бад совсем чудным сделался. Уж не знаю, к чему это приведет. И эта выходка тоже в его духе, Китти!

— Какая выходка? — не поняла Катарина.

— Как какая? Он же нарочно не встретил тебя на станции. Укатил в одиночку неизвестно куда, испугался тебя, как будто ты его укусишь!

— Испугался *меня*? — засмеялась Катарина. — Но Сисси, это же нелепо!

Но смеясь, она поймала себя на том, что вновь заглядывает в мутные окна, как будто ожидая увидеть там Бада, который украдкой, словно фавн, выглянет из-за какого-нибудь ствола, обвитого трепетной зеленой лозой.

— Бад всегда был таким, — добавила Катарина с нежностью. — Нельзя чтобы он вдруг взял и изменился.

— Вдруг взял и изменился? — передразнила Сесилия. — Месяц назад ему исполнилось двадцать три.

Ожидая с замиранием сердца, что Бад появится с минуты на минуту, Катарина опустив глаза смотрела на свои руки: в этот момент задняя дверь хлопнула. Но это снова оказался не он. Вернулась Эвелина, которая громко возвестила своим визгливым голосом, что фургончик мясника сломался. Когда Катарине вновь удалось сфокусировать расплывшийся взгляд, она заметила, что все это время была в черных лайковых перчатках. Она принялась неспешно стягивать перчатку с кисти, радуясь, что может отвлечься хоть каким-то пустячным занятием, но обнаружила, что от тревоги кончики ее пальцев стали холодными как льдинки.

— Если бы ты прожила с ним весь этот год под одной крышей ... — почти шепотом заговорила Сесилия, — то говорю тебе, Китти, ты бы не на шутку *перепугалась*! Он только и делает что сидит у себя на чердаке и стрекочет на допотопной печатной машинке, которую раздобыл в лавке старьевщика: даже одеться толком не удосуживается, Китти, ходит в одной и той же толстовке и старых штанах, словно какой-то боксер, что готовится к состязанию... Говорю тебе, Китти, он в конец одичал! Бреется раз в неделю,

не расчесывается, и матери приходится чуть ли не силой заставлять его помыться!
Можешь себе вообразить?»

Снаружи вновь заурчал автомобиль, и стальная пружина у Катарины в груди стала отчаянно взводиться по мере его приближения. И вновь машина проехала мимо, пружина облегченно отщелкнула, и дождь тоже на мгновение утих, как будто пустился за водителем вдогонку. Стены уняли жалобы, и Катарина услышала, как миссис Гамильтон хлопочет на кухне с обедом. Она готовила кассероль, неизменное блюдо для гостей в доме Гамильтонов. Катарина сразу узнала этот луковый дух, который так щекотал горло, что оно пересыхало и становилось трудно глотать.

— Над чем он сейчас работает? — поинтересовалась она у Сесилии.

— Бад? Одному Богу известно! — ответила Сесилия со смешком. — Знаешь, он печатает стихи в каких-то журнальчиках, но они ему за это ни цента не платят!

— Да, знаю, — мягко сказала Катарина.

Не было смысла пытаться объяснить Сесилии, что поэзия это не товар, который можно купить или продать, что она, по сути, неотделима того, кто ее написал — крошечный черный след его неуловимой души на чистом листе... Когда они учились в школе, Бад читал им свои стихи во фруктовом саду за домом Гамильтонов, и Сесилии порой нравилось, как они звучали, но она почти всегда спрашивала: *о чем это?* Бад с Катариной переглядывались и улыбались друг другу, видя, как она озадачена, потому что они оба ясно понимали их суть: но не сумели бы объяснить при всем желании!

— В любом случае, к чему взрослому человеку писать такое? — продолжала Сесилия. — Ведь это глупо — витать в облаках и строчить непонятные стишки сейчас, когда такое время что люди изо всех сил пытаются удержаться на плаву!

Катарина попыталась засмеяться: «Может, это и есть его способ выплыть. Знаешь, ведь есть разные пути, а Бад никогда не был деятельным человеком!»

— Деятельным человеком! Господи, вот уж кем-кем, а им точно! Он махнул рукой абсолютно на все! Даже бланки с отказами ему нипочем: все равно, что не сложившийся пасьянс!

— Так и есть, пасьянс! — вдруг воскликнула Катарина, взметнув к лицу ладони.

— О чем ты? — спросила Сесилия.

Катарина покраснела: «Наверное, о том, как Бад живет!»

Сесилия несколько мгновений безжалостно наблюдала, как лицо подруги заливается краской.

— А все-таки досадно и грустно! Ты знаешь, о чем я, Китти. Мы всегда надеялись, что у вас с Бадом все получится...

Катарина с трудом сдержала дрожь, когда рука Сесилии сомкнулась на ее запястье в безжалостно-сочувственном пожатии.

— Надеялись, что у нас все получится? Но это же глупо! Мы с Бадом всегда были просто друзьями!

— Не выдумывай, — мягко сказала Сесилия. — Мы же в детстве все время были троим: думаешь, я ничего не замечала?

Она участливо посмотрела Катарине в глаза, но та ответила ей холодным и строгим взглядом.

— Это было давно. С тех пор все мы изменились.

— Здорово, что тебе это удалось! — сказала Сесилия. — А вот Бад совсем дурным сделался! Самый безумный случай приключился на той неделе. Я нашла листки с его писаниной — он их по всему дому раскидывает. Ну и пошутила, что он льет слащавый кисель. А он ужас как обиделся. Выскочил из-за стола, бросился к себе наверх и пару дней вообще ничего не писал. Засел у себя в спальне и убивался, пока мама не послала за врачом. Она решила, что он заболел!

Сесилия рассмеялась. Она ожидала, что Катарина тоже позабавится. Но та не могла. Она не сумела даже изобразить на лице улыбку.

— Разве так можно, Сисси, — упрекнула она ее тоном, который прозвучал до нелепости сурово.

Смех Сесилии и запах жареного лука, это было уже слишком. Их сочетание вызывало в желудке странную дурноту. Катарина искренне любила Сесилию. Но приходилось признать, что все Гамильтоны, за исключением Бада, были такими: приправляй луком обед для гостей и смейся в плохую минуту. Катарине вдруг захотелось встать и ударить кулаками в старые желтые стены этого дома, хило противившиеся натиску весны. Захотелось лупить по ним изо всех сил изнутри, как апрель бьется в дом снаружи, до тех пор, пока они не расщепятся и не рухнут, и они с Сесилией не окажутся под открытым небом, среди листвы, дышащей дождем. И когда не останется больше порога, который Бад робеет переступить, он непременно вернется. «Ах, это ты», — скажет застенчиво проглянувшая на его губах улыбка. И тогда холодное озеро его одиночества измельчает. Она вновь приблизится к нему через брод и уведет за собой на берег.

«Господи, пусть бы он пришел поскорей!» — подумала Катарина.

Ведь Бад знает — она сможет сделать так, что ему будет легко. Так легко, как это только возможно! Катарина знала, как сделать чтобы Баду было легко. Это получалось у нее уже много раз. Она научилась быть благоразумной и сдерживать себя в первые минуты. Она не бросится к нему, не попытается поцеловать на глазах у всех. Она даже не

вытянет руки ему навстречу, если только он сам не сделает этого первым. Нет, она лучше поднимет их к шляпке и коснется пальцами ярко-красных вишенек, чтобы своим цветом они подсказали ему, ради чего она здесь. Но больше — ни намека, ничего такого, что могло бы его отпугнуть! Она будет для виду старательно счищать с мысков брызги грязи, едва он войдет в дом, отчаянно пересиливая себя шаг за шагом. В этот момент она глянет в его сторону — только на миг — и очень звонко, очень радостно скажет «Привет, Бада!» А потом продолжит болтать с остальными, как будто виделась с ним не год назад, а только вчера, и как будто не было всех этих лет, что отделяли сегодняшнее утро от той поры, когда две девочки и мальчик устраивали пикники среди фруктовых деревьев за старым желтым домом; поры, когда мальчик читал девочкам стихи или просто валялся на спине, тихо болтая о чем-то с самим собой или с ней или с деревьями, чей шелест, рожденный даже легчайшим ветерком, все равно звучал слишком резко на фоне мечтательного и сонного течения его речи; поры, когда после обеда и отдыха, мальчик вез девочек к реке, где они переодевались за разными кустами, чтобы наплаваться вволю и обсыхать, растянувшись на большом и гладком как камень бревне...

Как будто не было всех этих лет? Да ведь их и в самом деле не было! Просто книга до поры закрылась, но страницу они хорошо помнят...

— Я сделаю так, что ему будет очень легко, — пообещала она себе. — Ему не будет страшно!

И вот, весь дом наполнился едва уловимыми звуками, любой из которых мог выдать незаметно вернувшегося Бада. Неожиданный, мягкий стук — кто-то затворил дверь. Шаги в комнатах наверху. Сейчас медленные, а вот сейчас торопливые. Шаги на лестнице. Но нет, слишком тяжелые и громкие для Бада. При своем высоком росте он ступал поразительно бесшумно. Катарина мысленно увидела Бада — как он проходит по многочисленным комнатам и разным местам, где они пересекались в прошлом, двигаясь, как двигался всегда, подобно высокой, неясной тени, чуть выставив одну руку, точно слепой, что осязает пустое пространство пред ним, недоверчиво ощупывая даже воздух, ожидая коснуться какой-нибудь незримой преграды, или приподняв руку в защитном жесте, как человек, чей путь лежит через опасную тьму, и который смотрит в непроглядный мрак широко раскрытыми, но готовыми в любой миг моргнуть от яркого света глазами.

— Он идет, — внезапно прошептала Катарина.

Стальная пружина у нее в груди взвелась до предела и задрожала, когда сквозь порывы ветра с дождем Катарина различила, как возле дома тихо хлопнула дверь автомобиля. Звук повторился. Бада всегда хлопал дверью дважды, чтобы ее закрыть...

Катарина вскочила с места. Миг назад она была готова сделаться веселой и беззаботной. Изобразить, что она спокойна, потому что это было сейчас необходимо. Но вся ее решимость вдруг улетучилась, исчезла бесследно, и теперь, казалось, настал ее черед изведать то, что изведal Бад: как землю под собой утратишь, когда приблизятся шаги и грохнет дверь, открывшись настежь.

— Вот он идет, — прошептала она, обращаясь не то к Сесилии, не то к себе.

— Что ты сказала? — резко переспросила та. Она как раз возвращалась с кухни, где начала поджаривать кассероль.

— Ничего, — выдавила Катарина, — мне слышалось, что...

Она осеклась, чувствуя, что еще не готова загнать себя в угол.

— Господи, ливень-то как опять зарядил, — заметила Сесилия. — Может, присядешь?

— Соберись! — приказала себе Катарина. — Вот он пришел!

Она отчаянно пыталась найти в душе хотя бы малейшую опору. Но все внутри было опустошено стремительно бегущими водами страха. Катарина поняла, что больше ждать не в силах. На этот раз пружина сжалась до предела. Катарина была уже неспособна выдержать этот невыносимо трудный миг, когда в ее присутствии Бад как будто рождался вновь. Даже зная, что страшная секунда пройдет, и она сможет прижать бесценную новую жизнь к груди, выстрадавшей эту муку, и им обоим будет легко дышать. Но у нее не осталось на это сил. Какой бы стойкостью ни обладала ее душа, сейчас она ее утратила.

Катарина с трудом высвободилась из цепкой хватки продавленного стула.

— Схожу на минуту наверх, — проговорила она, задыхаясь.

Но Сесилия не слышала за шумом ливня донесшихся снаружи звуков. Она лениво поднялась с мягкой тахты. Затем выключила светильник в молочно-белом, окаймленном бахромой абажуре, и гостиная вновь утонула в зеленых потемках не умолкающего за окнами дождя.

— Пойдем наверх! — попросила Катарина.

Она уже отступила в холл и начала подниматься по крутым ступенькам, уходившим в черную высь.

— Пойдем, Сесилия! *Пожалуйста*, пойдем! — опять взмолилась она, с ужасом оглянувшись.

В овальном стекле входной двери, по которому сбегали струи дождя, уже нарисовалась высокая тень Бада. Катарина замерла, пригвожденная к полутемной лестнице, точно насаженная на булавку бабочка. Она не могла ни подняться, ни спуститься по ступенькам, ее колени подгибались.

— Пойдем! — слабо пролепетала она.

Но тень Бада слегка склонилась к замочной скважине, и та подала пискливый голосок, как мышь, что заглянула ночью в комнату.

— Пойдем, — в последний раз отчаянно позвала она Сесилию.

Но ей удалось издать лишь слабый шепот, и Сесилия, которая следом за ней лениво вплыла в холл, теперь тоже заметила тень Бада на мокром дверном стекле и застыла на месте, уперев руки в бедра и приготовившись отчитать братца.

— А вот и он пожаловал! — громко объявила она. — Ну, знаешь, *Бад*...

Дверь распахнулась настежь и ударилась о вешалку для шляп.

За ней стоял Бад — весь вымокший, с непокрытой взъерошенной головой, сутуло согнувший плечи, он с порога интуитивно обратил лицо к темной лестнице.

Катарина видела сейчас только его глаза: они пронзительно блестели и были прикованы к ее взгляду, пока не получают от нее какого-то знака: это были глаза опоссума, что горят в ночи под деревом в лучах фонарей, пока люди и гончие псы смыкают вокруг смертоносное кольцо.

Бад чуть выставил руку. Затем издал гортанный звук. Казалось, он уже готов сделать шаг навстречу...

Но Катарина застыла в полном оцепенении на средних ступеньках лестницы. Веселые слова, которыми она собиралась его приветствовать, застряли в горле, пальцы отказывались вспорхнуть к красным вишенкам, что дрожали на полях ее шляпки. Она стояла не шевелясь и держала подбородок прямо с чопорностью важной дамы в годах, что взирает сверху вниз на бесцеремонного посетителя. В эти мгновения ее рассудок был способен воспринимать лишь твердую округлость перил под рукой и явственный блеск его взгляда.

Напряжение нарастало. Но никто не шевелился. А потом оцепенение раскололось, беззвучно, как начинает заваливаться подкошенное молнией дерево, чей стон проглочен бушующей грозой.

Бад сконфуженно согнулся, точно он заглянул не в дом, а в ванную комнату, где ненароком застал Катарину не одетой или в каком-то неудачном положении. Затем коротко, скованно поклонился и отведя глаза в сторону, молча попятился и закрыл за собой дверь...

— *Ну, это совсем!* — ахнула Сесилия.

Но Катарина уже неслась по лестнице вверх, и ее сердце билось, как пойманная птица, под самым горлом. Она ворвалась в туманно-белую спальню, кинулась на постель и ужасно, истошно разрыдалась, зная, что больше не найдет его никогда.

А дождь смягчился и тихо окроплял желтые стены дома, как будто приговаривая извиняющимся шепотом, обращенным ко всем, кто был внутри и мог его услышать, что жизнь жестока не со зла: что она лишь безмерно забывчива, безмятежно поглощена собой, что не сулит живущим ни доброго, ни дурного.

Казалось, можно было различить его слова: «Вот они, наши руки со всеми их жестами, бесчисленными — да, таковы они, непреходящими — да, таковы они, но что бы они ни делали, они о том не знают и не помышляют, а если так, способны ли они помочь?»

Март 1935

Перевод с английского Алексея СЕДОВА